

С. Б. Буйских

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ: ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье акцентируется внимание на необходимости осуществления качественных изменений в отношении отечественной археологической науки (и ее носителей) к древним погребальным памятникам и погребенным там людям минувших эпох. По глубокому убеждению автора оно должно оставаться строго научным по сути, но быть более ответственным, гуманным и деликатным по содержанию.

Ключевые слова: археология, некрополи, древние погребения, мораль, гуманность.

«Иногда говорят, вот, мол, нельзя копать некрополь. Вот как к этому относятся профессиональные археологи – на самом деле, когда ты не наживаешься, и это наука – копать можно... Но, конечно, надо очень бережно относиться к тому, что ты раскапываешь и перезахоранивать кости».

В.В. КРАПИВИНА.¹

Двумя основными категориями археологических памятников всех без исключения регионов, хронологических периодов и культур являются, как известно, древние поселения и могильники разных типов и видов [Арциховский, 1954, с. 4; Монгайт, 1955, с. 9-20; Авдусин, 1959, с. 25-42; 1977, с. 6-7; 1980, с. 23 сл.; 1989, с. 6; Шовкопляс, 1964, с. 10; 1972, с. 7-9; Блаватский, 1967, с. 10; Мартынов, 1973, с. 4; 2000, с. 7-8; Чмихов и др., 1992, с. 13; Винокур, Телегин, 1994, с. 5; 2004, с. 6-7; Залізняк и др., 2005, с. 7].

При этом для основательного и достоверного выявления и определения конкретной

археологической культуры раскопки могильников, по мнению А.Л. Монгайта, могут играть гораздо большую роль, чем раскопки поселений. Конкретизируя эту свою мысль, исследователь, в частности, писал: «Могильники дают обильные материалы для исследователя, и не только для того, чтобы составить себе представление о былых религиях и погребальных обрядах, но и о повседневном быте прошлого. Вера в загробную жизнь была причиной того, что в могилу клали вещи, которые употреблялись покойником при жизни и которые могли ему понадобиться на «том свете». По этой же причине сооружали могилу наподобие жилища, так как жилище «загробное» должно было походить на земное. Женщину клали в могилу с шитьем, зеркалами, украшениями, ремесленника – с орудиями труда, литейными формами или готовыми изделиями, воина – с оружием, царя – со всеми драгоценностями, богатствами, в сопровождении многочисленных слуг и коней. По инвентарю могил можно выяснить детали быта, отчасти можно судить и о социальном строе или экономике, правда, только отчасти, так как не всегда предметы, находимые в могильниках, были взяты из реальной жизни; иногда, правда, очень редко, они были специально изготовлены для погребального обряда. Часто это были предметы культа или даже предметы, употреблявшиеся в реальной жизни, но в очень давние времена. Они сохранялись в погребальном культе вследствие консервативности религиозного сознания, удерживающе-

1. Из интервью с В.В.Крапивиной от 20.09.2012 г. [см.: Буйских, 2014, с. 19].

го в своей культовой практике уже пережитые социальные и экономические представления. Зато этнографический облик племени восстанавливается по могильникам лучше, чем по местам поселений. Кроме того, могильники дают антропологический материал, позволяющий представить себе физический облик населения изучаемой территории в каждую историческую эпоху» [Монгайт, 1955, с. 16].

Я намеренно привел столь пространную цитату из известного фундаментального труда одного из виднейших археологов Восточной Европы, дабы показать, что я полностью сознаю большое значение археологических раскопок (строго научное!) древних могил и древних некрополей вообще и использование материалов их раскопок, как чрезвычайно важного и в высшей степени информативного историко-археологического источника. Это, собственно, безоговорочно считается одним из незыблемых постулатов нашей науки [Алексеев, 1979, с. 50; Авдусин, 1989, с. 8; Чмихов и др., 1992, с. 13; Винокур, Телегин, 1994, с. 9]. Но! Прошу зафиксировать внимание на словах «антропологический материал» из приведенной цитаты.

Я перерыл не один десяток учебников, монографий, сотни статей, заметок, публикаций и отчетов о раскопках древних погребальных памятников, и теперь имею все основания утверждать, что в них крайне редко встречаются такие словосочетания как «человеческие останки» или «останки древних людей». Вместо этого – раз за разом на страницах этих изданий пестрят: «костяки», «человеческие кости», «скелеть», «скелетные остатки», «скелетный материал», «костные остатки», «антропологические остатки», «антропологический материал» и даже – «биоархеологические находки», «биоархеологическая масса» и т.п. [см., например, кроме вышеприведенной литературы: Плетнева, 1983, с. 51; Чмихов и др., 1989, с. 12 сл.; Папанова, 1993, с. 32 сл.; Сегада, 1995, с. 34; Станко и др., 1999, с. 18; Бужилова, 2004, с. 123 сл.; Ситник, 2012, с. 8]. Дошло до того, что один современный, так сказать – «продвинутый» исследователь, так отрапортовал в итоговой публикации про раскопки одного из древних крымских некрополей: «В ходе систематических охранных раскопок могильника Нейзац с 1996 года по настоящее время получен костный материал 383 погребённых из 194 сооружений» [Радочин, 2011, с. 153].

Вот так, не больше и не меньше – «получен костный материал 383 погребённых из 194 сооружений!» Не напоминает ли это Вам случайно сухую строчку из отчета какого-то начальника производства какого-то завода или резолюцию заведующего базой на накладной при получении какого-то товара – «получен

костный материал 383 погребённых»? Вдумайтесь, уважаемые коллеги ... Что же это с нами делается, куда подевалась наша мораль, наша нравственность, куда так незаметно успели сойти на нет наша честь и наше человеческое достоинство, где теперь искать наш профессиональный опыт и такт, как вызвать у нас хоть бы какое-то человеческое сочувствие к умершим, пусть и древним, но людям, более того – нашим предкам, а по большому счету, возможно и кровным родственникам, если мы не можем найти для них иного определения, чем – «костный материал»?

А собственно, чему же удивляться, если морально-этические аспекты проведения и результатов, иначе – следствий (можно даже сказать – последствий) археологических раскопок и, прежде всего, раскопок древних некрополей, не преподаются в курсах «Основы археологии»? Точно также, как я имел возможность убедиться, не касаются этих проблем и авторы практически всех изданий учебного, методологического и чисто научного характера, с которыми мне довелось ознакомиться, готовя эту статью. Искра надежды на то, что мои поиски все же не будут совсем безнадежными, промелькнула у меня только тогда, когда в книге А.И. Мартынова и Я.А. Шера, посвященной методам археологического исследования, я натолкнулся на следующие слова: «Археолог, ведя раскопки, не имеет права пренебрежительно относиться к находкам человеческих костей» [Мартынов, Шер, 1989, с. 215]. Но меня ожидало быстрое разочарование, т.к. по мысли авторов, он должен ясно осознавать это не потому, что это – аморально, а исключительно в силу того, что «костные остатки первобытных и древних людей позволяют получать такую информацию для конкретно-исторических реконструкций, которую иными путями получить невозможно» [Мартынов, Шер, 1989, с. 215].

С научной точки зрения, кажется, все вроде бы сказано правильно – не придерешься! Но с чисто человеческой, гуманной, людской – этому обязательно должна была бы предшествовать фраза морально-этического характера, хотя почему же с чисто человеческой? Разве наша наука уже полностью превратилась в бездушную, циничную и безжалостную машину, которая выдает «на гора» «костный материал» из древних погребений?

Давайте разберемся. Оставляя в стороне совершенно отдельную наболевшую тему т.н. «черных археологов» (которые на самом деле никакие не археологи, а выродки и грабители, а то, что они вытворяют с древними некрополями не вписывается ни в какие нормы человеческой морали)², я прежде

2. По меткому выражению И.А. Бажана это – «ужас настоящего» [Бажан, 2011, с. 4].

всего хочу выяснить, как для себя лично, так и для широкого научного сообщества – что же, собственно говоря, прикрываясь высокими научными целями, делаем мы – настоящие, не подставные, будем говорить – «белые археологи»-профессионалы с древними погребальными памятниками? А делаем вот что. *Во-первых*, раскапываем место погребения, *во-вторых*, тревожим прах умершего (пусть и древнего, но – человека!), *в-третьих*, завладеваем останками или прахом похороненного и, *в-четвертых*, изымаем из могилы все предметы, которые там находятся.

Все перечисленные действия квалифицируются согласно статье 297 Криминального кодекса Украины (ККУ) как надругательство над могилой [Кримінальний кодекс України, 2009, с. 76] и, в соответствии с законом, караются начиная от штрафа в двести необлагаемых налогами минимумов доходов до 3-х лет лишения свободы, а такие же повторные действия влекут за собой 5 (в тяжелых случаях – до 12) лет лишения свободы [Ландіна, 2013, с. 3, 36-37]. Достаточно суровая кара за надругательство над местами человеческих захоронений предусмотрена и законодательством многих европейских стран и США [Ландіна, 2013, с. 59-62, 69]. Более того – в некоторых странах раскапывание могил (хоть новых, хоть старых, хоть древних – без разницы!) вообще просто конституционно запрещено навсегда [Ле Биан, 2010, с. 60].

Подчеркнем, что в научно-практическом комментарии к ККУ указывается, что «общественная опасность этого злодеяния состоит в том, что действия, которые это составляют, грубо нарушают общественные отношения ..., которые обеспечивают общепринятые моральные принципы, традиции и религиозные положения относительно захоронения умерших и проявление уважения к памяти и праху покойных» [Баулін и др., 2003, с. 810]. В работах многих отечественных ученых-правоведов, социологов, философов подчеркивается, что гуманное отношение к местам захоронения, к умершим является одним из наиболее ярких факторов, демонстрирующих разницу между дикостью и цивилизацией, потому что в нем отображается позиция личности в отношении общепринятых в обществе морально-этических норм [Ландіна, 2013, с. 37].

Таким образом, согласно формально-правовой оценке, мы все (по крайней мере те, кто постоянно раскапывает места древних погребений) являемся моральными уродами, дикарями и преступниками, которые нарушают гражданский покой, пренебрегают общечеловеческими ценностями и должны нести ответственность за это по всей строгости закона, т.е. должны быть наказаны за содеянное «по заслугам».

«Эк, куда хватил! – слышу я возмущенные голоса коллег. – Исписался вконец этот Буйских, не про что ему уже больше писать, так он – про погребения! С ума сошел. Зачем же грешное с праведным путать, мы же древние могильники копаем, а не современные кладбища». Что ж, возможно они и правы, и я действительно несколько заострил проблему, но позволено будет спросить – разве мораль устаревает с течением времени или отменяется? И часто ли мы, раскрывая древние могилы, отдаем себе отчет в том, что это, в первую очередь – место вечного упокоения человека, а уже потом – археологический объект? Все ли мы отчетливо сознаем, что т.н. «костный материал» – это когда-то были живые люди – обладатели бессмертной души, которая, возможно, до сих пор витает где-то рядом с нашими раскопами? Вообще, все ли мы помним, что обычай (или традиция) человеческого захоронения, т.е. сознательного предания усопшего земле, возник далеко не вчера, и даже не позавчера, а еще в мустьерскую эпоху, на неандертальской стадии развития человечества [Бужилова, 2004, с. 123]. И не слишком ли большую цену платим мы, извлекая «свежую» научную информацию из древних могил? Всегда ли мы руководствуемся здравым смыслом, когда определяем объемы и масштабы раскопок древних некрополей? Шевелится ли в наших заскорузлых от голого профессионализма сердцах пусть хоть какие-то маленькие и не очень осознанные, но совестливые мысли при разрытии древних могил? С достаточной ли степенью гуманности и деликатности обращаемся мы с теми «костными остатками», которые вместо того, чтобы перезахоронить как следует (после соответствующей фиксации), мы бездумно берем на опись, и еще горше, если не берем, а оставляем под открытым небом на местах своих раскопок? Не отдаем ли мы львиную долю открытых раскопками древних погребений для кощунственных действий, издевательств и надругательств равнодушным, беспринципным людям, которые, к сожалению, нередко попадают в наши экспедиции? И, наконец, не берем ли мы время от времени, в силу своей самоуверенности и глупости, каких-либо археологических «сувениров», так сказать, «на память» про исследованные древние кладбища, могилы, курганы или погребения?

Для ответа на эти жгучие вопросы я хочу привести мнение некоторых моих коллег – украинских археологов-полевиков с многолетним опытом раскопок древних захоронений. Первой будет исповедоваться д.и.н. И.Ф. Ковалева. Вот что она пишет в своей книге «Жизнь, проведенная в могиле»: «Меня часто спрашивают, что испытывает человек, вторгаясь в тайное из тайных – царство смерти? Где проходит черта, за которую нельзя

переходить? Знакомо ли мне чувство вины за нарушение гробниц, и вправду ли существует месть мертвых посягнувшим на их покой? Надеюсь, ответ на эти и многие другие вопросы читатель найдет в дальнейшем рассказе.

Прежде всего, должна оговорить – мое отношение к исследованиям претерпевало изменения во времени. Если на первых порах любой курган воспринимался исключительно с позиций возможности извлечения информации, и проблемы морально-этического характера оставались «за кадром», по прошествии лет они все чаще встают передо мной. Атеистическое воспитание и присущий большинству выходцев «из СССР» нигилизм освобождали представителей моего поколения от угрызений совести при виде разрушенного и опоганенного храма или уничтожаемого кладбища. Вопрос о цене приобретаемого знания редко тревожил ученых в те времена» [Ковалева, 2008, с. 134].

Далее исследовательница отмечает, что сегодня «как одну из самых непоправимых своих ошибок и не прощенный грех» она вспоминает «неоправданные разрушения» курганов [Ковалева, 2008, с. 134]. Чрезвычайно интересны в плане затронутой нами проблемы, и последующие размышления И.Ф. Ковалевой.

«Ощущала ли я нечто необычное, потустороннее, исходящее от древних погребений? – пишет она. – Однозначный ответ для меня невозможен. Каждый эмоционально чувствующий, то есть нормальный, человек не может оставаться равнодушным, соприкасаясь с объектами той устрашающей древности, которая определяет возраст большинства курганов. Но каждый чувствует по-своему. Известные лозоходцы уверяли меня, что явственно ощущают исходящую из вскрываемых могил энергетику, причем последняя подразделялась ими на благожелательную к человеку и враждебную. Мне известен ряд случаев необъяснимой естественными причинами смерти археологов, переживших потрясение от встречи с «запечатанным» (сакральным) погребением или державших при себе предметы, взятые из его инвентаря, как это имело место с моими безвременно ушедшими молодыми коллегами, о которых я писала ранее. Сама я всегда старалась подавать пример уважительного отношения к останкам и никогда не позволяла себе взять что-либо из найденного в могиле. Нередко это вызывает недоумение окружающих: археолог, а в доме нет никаких древностей?» [Ковалева, 2008, с. 135].

Теперь я хочу предоставить слово известному специалисту в области археологии энеолита – эпохи бронзы, к сожалению, недавно ушедшему Николаю Рычкову, который в своей книге «Мои экспедиции» так описывает шабаш, устроенный в одной экспедиции над выявленными в кургане древними могила-

ми. И так: «...Почти все забрались вверх на бровки, а ребята с горящей бумагой бегали по кургану от могилы к могиле, освещая их своими импровизированными факелами. Пламя то и дело выхватывало из могильной темноты очертания скелетов. Их пустые глазницы устрашающе глядели на нас. Мне показалось, что они испуганы и осуждают нас за такое дьявольское занятие. А молодежь скакала с факелами в диком танце по кургану. Им было весело.

Хорошо, что веселье у могил длилось недолго. Запасы бумаги быстро закончились, и на кургане снова стало темно и тихо. Притихли даже самые шумные из факельщиков. Может быть, они тоже почувствовали свою вину перед давно ушедшими людьми, останки которых покоились в этих ямах. А может, просто резкий переход от света факелов в наступившую темноту отрезвляюще повлиял на них, и они также резво, как погас свет, угомонились.

Теперь на кургане уже, вроде бы, нечего было делать. Побродив еще минут десять, все собрались в обратный путь.

Назад шли всё больше молча. Песен не пели, и даже почти не разговаривали. Казалось, все были несколько удручены сделанным бесчинством. Лично мне подумалось, что в этом непродуманном шабаше было что-то кошунственное по отношению к древним скелетам и к могилам вообще. Может быть, похожие мысли приходили в голову и остальным?» [Рычков, 2011, с. 148].

Как показывают приведенные свидетельства специалистов-археологов, проблемы морального порядка, связанные с раскопками древних погребений, существуют в нашей науке. Однако не только в нашей, а и в современной европейской археологической практике вообще. Об этом, в частности, говорится в книге известного французского археолога Жана-Поля Ле Биана – «Археолог. Воображаемые беседы» [Ле Биан, 2010], где вопросы морально-этического отношения археолога-профессионала к раскопкам древних могил ставятся автором очень остро, пристрастно и эмоционально. По мысли автора, эксгумирование древних мертвецов с научной целью – аморально, потому что цена исторической информации, которую получает при этом исследователь, слишком высока [Ле Биан, 2010, с. 60-63]. Она граничит либо с богохульством [Ле Биан, 2010, с. 60], либо даже – с преступлением против человечества [Ле Биан, 2010, с. 242], потому что, по мнению автора, археолог грубо нарушает своими действиями устоявшиеся в обществе моральные законы и табу.

Невозможно без волнения читать в этой книге строки, навеянные размышлениями французского коллеги над открытыми при раскопках древними погребениями: «Бедный

умерший, бедный Сармат!³ Чем прогневил он Богов, чтобы удостоиться такой судьбы? Чтобы закончить свою жизнь после смерти в эмалированном тазике, сфотографированным для отчета о раскопках» [Ле Биан, 2010, с. 61]. Или еще: «Так пусть же они (*погребенные* – С.Б.) не боятся, что я занесу их в классификацию, в структуру, в тригонометрическую функцию. Можно же этим людям существовать спокойно, принадлежать лишь доброй старушке-земле, без этикеток и прочих атрибутов? Или я археолог только для того, чтобы присвоить им имя, снабдить этикеткой и заставить войти в Историю, в которой им ни за что не узнать даже самих себя?» [Ле Биан, 2010, с. 242].

Задавая себе подобные вопросы и не находя на них ответа ни в публикациях, непосредственно касающихся морально-этических проблем, которые порождает археология [Косарев, 1994; Кореняко, 2004; Михайленко, 2009], ни в Кодексе этики профессионального археолога [Кодекс ..., 2006], я решил узнать – а что же по этому поводу думают мои коллеги, беспокоят ли их подобные проблемы, чувствуют ли они свою моральную ответственность за раскопки древних могил, как мне показалось самым доступным и объективным способом.

Способ этот я позаимствовал у другой общественной науки – социологии [Ядов, 1972], используя один из ее наиболее распространённых и эффективных методов исследования – анкетный опрос. Опрос проводился мною по специально составленному вопросу (см. Приложение) в 2012-2013 гг. среди археологов-профессионалов Украины, России и Молдовы, которые непосредственно (и не один год подряд) имеют дело с исследованием древних погребальных памятников разных эпох. Количество опрошенных составляет 45 человек. Из них: 35 мужчин и 10 женщин. Возраст: 35-65 лет. Среди опрошенных – 5 докторов наук, 35 – кандидатов наук и 5 научных работников без ученой степени. Из сорока пяти археологов – глубоко верующих людей – 5, пассивно верующих – 10, атеистов – 30 (увы, наследие советской эпохи!). Во время опроса мною было предложено коллегам ответить на десять вопросов. В связи с тем, что анкетирование проводилось мною анонимно, считаю, что ответы, полученные в его итоге, носят более-менее ответственный и искренний характер.

Краткие результаты моего мини-исследования таковы. Согласно полученным данным, только 4 археолога из 45 как-то готовятся в морально-психологическом плане перед предстоящим осуществлением раскопок древних погребений и лишь 5 из 45 (замечу – все верующие) мысленно извиняются перед душами

древних людей за нарушение их покоя. На вопрос: «Считаете ли Вы, что археолог нарушает морально-этические законы, раскрывая древние могилы?», мнения опрошенных разделились так: 14 ответили утвердительно, 26 сказали «нет» и еще 5 не определились с ответом. Наличие своеобразного профессионального цинизма по отношению к человеческим останкам честно признали у себя 35 из 45 археологов (5 – его не признали; 5 – не определились с ответом).

Большую проблему вскрыли ответы на два последующих вопроса (№№ 5-6). Оказалось, что большинство исследователей (37 из 45) в силу разных причин не берет на опись весь антропологический материал из древних погребений (!) и не перезахоранивает человеческие останки после окончания раскопочных работ (31 из 45) ...

В то же время весьма обнадеживающие результаты неожиданно дали ответы на последнюю группу вопросов (№№ 7-10). Подавляющее большинство опрошенных поддерживает идею отказаться от употребляемого сейчас в науке термина «могильник» (что очень уж напоминает пресловутый «скотомогильник»), заменив его на другой, полностью отвечающий характеру погребального памятника, но гораздо более гуманный, например, – «кладбище», «некрополь», «погост» и т.п. (40 – «за», 3 – «против»; 2 – воздержались от комментариев). Также абсолютное большинство исследователей, которые приняли участие в нашей акции, полностью согласны с необходимостью внесения в Кодекс этики профессионального археолога отдельного пункта, в котором бы постулировалось гуманное отношение к останкам древних людей, открываемым во время раскопок (39 из 45 при 6, это не поддержавших).

Далее, как показал опрос – большинство опрошенных мною коллег разделяют мое мнение о внесении в программу учебных вузовских курсов «Основы археологии» специального раздела «Морально-этические аспекты археологических исследований» (имеются в виду, прежде всего, древние погребальные памятники). На этот вопрос утвердительно ответили 38 человек, при том, что 5 – высказались против такой инициативы и двое не определили свое отношение к ней. И, наконец, весьма отрадно, что максимальное число опрошенных (41 из 45) считают полезным проведение данного анкетирования и целесообразным осуществление подобных опросов по морально-этическим проблемам археологии и в дальнейшем.

Данное обстоятельство освобождает меня от необходимости говорить что-либо об эффективности проведенного мероприятия. Я также не собираюсь, исходя из полученных в ходе него результатов, делать далеко идущие выводы и, тем более, заниматься абсолютно не-

3. В тексте автора значится именно так – «Сармат» – с большой буквы.

продуктивным менторством и морализаторством. Моя задача более скромна – от своего имени я хочу призвать коллег по профессии, которые в своей раскопной деятельности постоянно сталкиваются с исследованием древних погребальных памятников, относиться к *людям* давно минувших эпох, как к людям, а к их останкам – как к останкам именно *людей*, а не только как к археологическому объекту, артефакту или источнику.

Для достижения этой цели я прошу их перестать быть бездушными исследовательскими машинами по добыче научной информации из мест упокоения давно умерших людей, а будучи высокими профессионалами в своем деле – быть еще и личностями с высоким уровнем нравственности в своей душе. Не лишним будет напомнить при этом, что именно личность является наивысшей моральной инстанцией и этическим институтом общества [Гусейнов, 1992, с. 11]. Исходя из этого я прошу, предлагаю и требую изменить наше узко-профессиональное, до основания высушенное, бесчувственное и откровенно потребительское отношение к древним погребальным памятникам и оставив его сугубо научным по сути, сделать его более гуманным по содержанию. Исследование археологических памятников, о которых здесь идет речь, должно проводиться более ответственно, деликатно и человечно и никоим образом не нарушать моральных основ нашего общества.

В этой связи, безусловно, следует ясно осознавать, что мы живем в такое время, в такую эпоху, и в таком мире, которые сами по себе деформируют все традиционные моральные устои, делая их во многом просто условными. Глобализация и динамизм развития идей, принципов и символов, которые все более завладевают миром, дезорганизует хрупкий внутренний мир современного человека, способствуя, как считают ведущие философы «расщеплению человеческого существа, подводит личность к «моральному инфаркту», сердечной нравственной недостаточности» [Рубенис, 1992, с. 42-43]. Очевидно и мы, и наша наука в соответствии с названными клиническими признаками также имеем подобный диагноз, и на себе ощущаем проявление этой «моральной недостаточности». Однако на наш взгляд, дело тут не совсем безнадежное, выход у нас есть, и болезнь общими усилиями можно одолеть. Для этого решение очерченных в статье проблем, чтобы быть успешным должно, как представляется, одновременно вестись по всем основным направлениям. В этой, столь необходимой для нашей науки работе я вижу следующие, наиболее важные аспекты.

Научно-исследовательский. Прежде всего, он заключается в том, что при составлении планов и объемов научных исследований древних погребальных памятников следует

непрерывно исходить из соображений здравого смысла, в каждом конкретном случае взвешивая необходимость и целесообразность раскрытия древних могил. Надо полностью исключить возможность неоправданных раскопок, разрушений и, тем более, уничтожений этих памятников, включая и работы экстренного характера (новостроечные, спасательные, охранные и т.п.).

Методический. В «Инструкцию», которая прилагается к «Открытому листу» должно быть внесено положение о гуманном отношении к человеческим останкам, выявляемым во время раскопок. Кроме того, здесь должно содержаться требование об осуществлении обязательного перезахоронения останков древних людей после окончания раскопок (если они не берутся на опись) с обозначением такого места на плане памятника или на прилегающей к нему территории. Это должно быть документировано специальным Актом, заверенным органами местной власти и прилагаемым к тексту научного отчета.

Терминологический. Из научного лексикона в обозначении древних погребальных памятников должно быть устранено слово «могилище». Вместо него целесообразнее употреблять более гуманные термины – «кладбище», «некрополь», «погост» и т.п.

Учебно-образовательный. Программу учебных курсов «Основы археологии» соответствующих кафедр и факультетов высших учебных заведений необходимо дополнить разделом «Морально-этические проблемы археологических исследований», где должны быть изложены нравственные основы раскопок древних погребальных памятников.

Морально-этический. 1) Принятый в 2006 г. «Кодекс этики профессионального археолога [Кодекс ..., 2006] требует основательной доработки. В частности, в Раздел II. «Отношение к археологическим источникам» должен быть внесен ряд положений, касающихся морально-этических аспектов археологических исследований древних погребальных памятников. 2) На начальников археологических экспедиций должна быть возложена ответственность за недопущение актов пренебрежительного, а тем более – кощунственного отношения к древним человеческим останкам.

Психологический. Вероятно, с помощью соответствующих специалистов, необходимо разработать достаточно основательные тесты или вопросники морально-психологической направленности, по которым периодически должны тестироваться археологи, имеющие дело с раскопками древних захоронений. С одной стороны, это улучшило бы уровень профессиональной подготовки исследователей-полевики, а с другой – закрыло бы дорогу к раскопкам древних погребальных памятников.

ков случайным, неквалифицированным и морально не выдержанным людям.

И, наконец, о *духовном* аспекте гуманизации процесса археологического исследования погребальных памятников. Размышляя над тем – может ли археолог в силу своей профессии переступать границы доступного знания, границы моральных запретов, границы здравого смысла и тревожить покой давно умерших людей, а если может – то как тогда избавить его психику от этих и подобных им опасений, потрясений (или откровенного страха), уже упоминавшийся выше французский археолог Жан-Поль Ле Биан напоминает всем своим коллегам (а значит и нам), что великий философ и математик прошлого Блез Паскаль когда-то рекомендовал *веру*, как

единственное средство, страхующее жизнь от вечного проклятья за хотя и неумышленное, а вынужденное, но все же нарушение покоя давно ушедших людей [Ле Биан, 2010, с. 29-30]. Я могу лишь смиренно присоединиться к этой глубочайшей мысли и призвать прислушаться к ней всех своих коллег...

Возможно тогда во всех, без исключения, экспедициях, занятых исследованием древних погребальных памятников, будет естественным образом происходить то, о чем пишет И.Ф. Ковалева: «Обычно в первые мгновенья работ на кургане царит торжественно-приподнятое настроение, и хорошо, если в нем находится место тихой просьбе о прощении за вторжение, обращенной к покоящимся в могилах предкам» [Ковалева, 2008, с. 135].

* * * * *

Приложение

ТАБЛИЦА

результатов опроса 45 ученых-археологов СНГ относительно морально-этических проблем археологических исследований древних погребальных памятников (2012-2013 гг.)

№ п/п	Вопросы	Ответы		
		Да	Нет	Затрудняюсь с ответом
1	Готовите ли Вы себя в психологическом и моральном плане перед раскопками древних погребений?	4	39	2
2	Просите ли вы прощения у душ похороненных древних людей за нарушение их покоя?	5	40	–
3	Считаете ли вы, что археолог нарушает писанные и неписанные морально-этические законы, раскрывая древние могилы?	14	26	5
4	Присущ ли Вам чисто рациональный подход (своеобразный "профессиональный цинизм") к человеческим останкам, поскольку это для Вас, в первую очередь, археологический источник?	35	5	5
5	Весь ли антропологический материал, который встречается во время раскопок, Вы берете на опись?	8	37	–
6	Перезахораниваете ли Вы человеческие останки, которые не берете на опись, в отдельном месте на территории памятника или в прилегающей местности?	14	31	–
7	Считаете ли Вы целесообразным заменить в научной литературе термин "могильник" на иной, более гуманный?	40	3	2
8	Считаете ли вы необходимым внести в Кодекс этики профессионального археолога отдельный пункт относительно гуманного отношения к останкам древних людей, что открываются во время раскопок?	39	6	–
9	Считаете ли Вы необходимым внести в программу курса "Основы археологии" специальный раздел "Морально-этические аспекты археологических исследований" (прежде всего – древних погребальных памятников)?	38	5	2
10	Считаете ли вы целесообразным проведение данного опроса, а также проведение подобных опросов по морально-этическим проблемам археологических исследований и в дальнейшем?	41	4	–

- Авдусин Д.А. Археологические разведки и раскопки. – Москва, 1959. – 314 с.
- Авдусин Д.А. Археология СССР. – 2-е изд. – Москва, 1977. – 273 с.
- Авдусин Д.А. Полевая археология СССР. – Москва, 1980. – 335 с.
- Авдусин Д.А. Основы археологии. – Москва, 1989. – 335 с.
- Алексеев В.П. Историческая антропология. – Москва, 1979. – 216 с.
- Арциховский А.В. Основы археологии. – Москва, 1954. – 280 с.
- Бажан И.А. Археологические предметы из случайных находок на территории Восточной Европы в 2009-2011 гг. // КСАН. – Вып. I. – Москва, 2011. – 112 с.
- Баулін Ю.В., Борисов В.І., Гавриш С.Б., Ломако В.А. та ін. Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар. – К., 2003. – 1208 с.
- Блаватский В.Д. Античная полевая археология (МИА № 146). – Москва, 1967. – 208 с.
- Блан Ле Ж.-П. Археолог. Воображаемые беседы. – Ростов/Д., – 2010. – 276 с.
- Бужилова А.П. Коллективные захоронения в палеолите. Анализ антропологических находок // Проблемы первобытной археологии Евразии. К 75-летию А.А.Формозова. – Москва, 2004. – С. 123-134.
- Буйських Ю.С. «Археологія як спосіб життя...»: до питання вивчення української археологічної субкультури // ПОЛЕ. Збірник наукових праць з історії, теорії та методології польових досліджень. – Том. 1. Вступ до спеціальності. – К., 2014. – с. 5-106.
- Винокур І.С., Телегін Д.Я. Археологія України. – К., 1994. – 318 с.
- Винокур І.С., Телегін Д.Я. Археологія України. – Тернопіль, 2004. – 480 с.
- Гусейнов А.А. Этика и плюрализм // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения 1991 г. – Москва, 1992. – С. 5-11.
- Залізняка Л.Л., Бунятян К.П., Зубар В.М., Моця О.П., Отрощенко В.В., Терпиловський Р.В. Археологія України. – К., 2005. – 504 с.
- Ковалева И.Ф. Жизнь, проведенная в могиле. Исповедь археолога. – Днепропетровск, 2008. – 192 с.
- Кодекс етики професійного археолога (прийнятий на засіданні Вченої ради Інституту археології НАН України від 09.11.2006) // Археологія. – 2006. – № 4. – С. 105-107.
- Кореняко В.А. Этические проблемы и кризисные явления в археологии // Проблемы первобытной археологии Евразии. – Москва, 2004. – С. 36-47.
- Косарев М.В. Археология и нравственность // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. – МНК. – Рязань, 1994. – С. 12-16.
- Кримінальний кодекс України (В редакції Закону № 1166-VI від 19.03.2009 р.) – К., 2009. – 1196 с.
- Ландіна А.В. Охрана моральності за Кримінальним кодексом України. – К., 2013. – 204 с.
- Мартынов А.И. Археология СССР. – Москва, 1973. – 296 с.
- Мартынов А.И. Археология. Изд. 4-е. – Москва, 2000. – 439 с.
- Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. – Москва, 1989. – 223 с.
- Михайленко Е.М. Проблеми професійної етики у світовій та українській археології // Археологія. – 2009. – № 1. – С. 102-108.
- Монгайт А.Л. Археология СССР. – Москва, 1955. – 436 с.
- Папанова В.А. Некрополь Ольвии. – Бердянск, 1993. – 94 с.
- Плетнева С.А. Раскопки бескурганых могильников средневековых кочевников // Методика полевых археологических исследований. – Москва, 1983. – С. 40-55.
- Радочин В.Ю. Некоторые итоги исследования антропологического материала из могильника Нейзац // Исследование могильника Нейзац. – Симферополь, 2011. – С. 153-177.
- Рубенис А.А. Техника и нравственность // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения 1991 г. – МОСКВА, 1992. – С. 38-53.
- Рычков Н.А. Мои экспедиции (рассказы археолога). – К., 2011. – 160 с.
- Сегада С.П. Основы антропологии – К., 1995. – 208 с.
- Ситник О.С. Культурна антропология: походження людини і суспільства. – Львів, 2012. – 180 с.
- Станко В.Н., Гладких М.І., Сегада С.П. Історія первісного суспільства. – К., 1999. – 240 с.
- Чмихов М.О., Кравченко Н.М., Черняков І.Т. Археологія та стародавня історія України. – К., 1992. – 376 с.
- Чмихов М.О., Шилов Ю.О., Корнієнко П.Л. Археологічні дослідження курганів. – К., 1989. – 218 с.
- Шовкопляс І.Г. Основы археологии. – К., 1964. – 272 с.
- Шовкопляс І.Г. Основы археологии. Вид. 2-е. – К., 1972. – 222 с.
- Ядов В.А. Социологическое исследование (методология, программа, методы). – Москва, 1972. – 247 с.

С. Б. Буйських

СТАРОДАВНІ НЕКРОПОЛІ: МОРАЛЬНІ АСПЕКТИ ДОСЛІДЖЕННЯ

У статті підіймаються нагальні питання морально-етичного характеру, що виникають при археологічному дослідженні давніх поховальних пам'яток. Автор наголошує на необхідності якісних змін у ставленні професійної археологічної науки до давніх поховальних пам'яток та останків похованих там людей давніх епох. Їх вивчення має залишатись науковим за сутністю, але бути більш відповідальним, гуманним і делікатним за змістом. Зміни ці мають втілюватися у життя за кількома найбільш важливими напрямками, зокрема – науково-дослідницькому, методичному, термінологічному, освітньо-навчальному, морально-етичному, психологічному, та духовному. Археологічні дослідження давніх поховальних пам'яток мають проводитись виключно за умови беззастережного, відповідального і свідомого додержання моральних засад нашого суспільства.

Ключові слова: стародавні некрополі, моральні аспекти дослідження, суспільство.

S.B. Buyskykh

THE ANCIENT NECROPOLISES: ETHICAL ASPECTS OF RESEARCH

The article highlights the current ethical questions that spring up when archaeologists do their research on the ancient funerary sites. The author asserts the necessity of new changes inside of archaeological science. They may have considered the personal attitude of the professional archaeologists to the investigation of the human remains during the excavations. On the one hand, their research has to be purely scientific.

On the other hand, we need to be more responsible and humane in our explorations. These changes have to be put into practice due to several directions: research, methodological, terminological, educational, ethical, psychological, and spiritual.

Archaeological research of the ancient funerary sites should be held only with the existing principles of our modern society.

Key words: ancient necropolises, Ethical aspects of research, society.

Одержано 26.04.2014